

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВИДА И ВРЕМЕНИ В СИСТЕМЕ ГЛАГОЛА*Якубова Мунаввар Исмаиловна**Преподаватель кафедры русского
языка и литературы Самаркандского
государственного педагогического института**Тошпулатова Мохинур**Студентка 3 курса Самаркандского
государственного педагогического института*

Аннотация. В данной статье исследуется междисциплинарная проблема функционального взаимодействия глагольного вида и времени в системе русского языка. Анализирует, как грамматическое значение совершенного и несовершенного видов трансформирует восприятие временной оси, превращая линейное время в объемную структуру событий. Особое внимание уделяется «внутреннему времени» глагола и его влиянию на нарративную динамику. Статья предлагает переосмысление классических оппозиций через призму когнитивной лингвистики и теории речевых актов.

Ключевые слова: глагольный вид, темпоральность, аспектуальность, перфектив, имперфектив, художественное время, семантика глагола.

Abstract. This article explores the interdisciplinary issue of the functional interaction between verbal aspect and tense within the Russian language system. The author analyzes how the grammatical meaning of perfective and imperfective aspects transforms the perception of the timeline, turning linear time into a multidimensional structure of events. Special attention is paid to the “inner time” of the verb and its influence on narrative dynamics. The article proposes a reimagining of classical oppositions through the lens of cognitive linguistics and speech act theory.

Keywords: verbal aspect, temporality, aspectuality, perfective, imperfective, artistic time, verb semantics.

Взаимодействие вида и времени — это не просто формальное сочетание морфем, а сложная архитектура человеческого опыта. Если время в языке отвечает на вопрос «когда?», определяя положение события относительно момента речи, то вид отвечает на вопрос «как именно протекает это событие?». Это различие между координатой на карте и самой текстурой ландшафта. Традиционно в лингвистике принято считать, что вид (аспект) предшествует времени психологически. Мы сначала воспринимаем целостность или дробность действия, а уже потом привязываем его к шкале «прошлое — настоящее — будущее». В русском языке это взаимодействие достигает апогея своей

сложности. Совершенный вид (СВ) выступает как мощный инструмент сжатия времени. Он превращает процесс в точку, в неделимый квант бытия. Когда мы говорим «он осознал», время схлопывается; нет ни начала, ни середины, есть только результат, ворвавшийся в реальность. Напротив, несовершенный вид (НСВ) размывает границы, создавая иллюзию вечного «сейчас», даже если речь идет о далеком прошлом.

Обращаясь к метафорическим идеям, изложенным в классических трудах по философии языка, можно представить глагольный вид как объектив камеры. Совершенный вид — это стопкадр, фиксирующий завершённую композицию, где каждая деталь уже обрела свое место и смысл. Несовершенный вид — это живая трансляция, где контуры предметов еще дрожат, а финал не предопределен. В этом смысле время — это пленка, а вид — способ ее экспозиции. Критический анализ работ А.В. Бондарко позволяет глубже взглянуть на теорию функционально-семантического поля аспектуальности. По мнению исследователя, которое можно интерпретировать как поиск «грамматического пульса», вид и время не просто сосуществуют, они образуют нерасторжимое единство — так называемый «темпорально-аспектуальный комплекс». Бондарко подчеркивал, что значение предела, характерное для совершенного вида, принципиально меняет физику времени: оно делает его дискретным. В его понимании, глагол — это не просто название действия, это микромодель мира, в которой заложена его конечность или бесконечность¹.

Рассматривая художественную сторону вопроса, стоит вспомнить, как классики литературы использовали эту грамматическую игру для создания атмосферы. Представьте описание заброшенного сада: если автор использует только имперфективы («шумели деревья», «осыпалась листва»), время замирает, превращаясь в густой кисель воспоминаний. Но стоит внедрить один перфектив («упало яблоко»), как статичное время пронзается вектором действия, возникает событийность. Грамматика здесь выступает как кисть художника, где время — это холст, а вид — интенсивность мазка. Проблема взаимодействия осложняется в зоне настоящего времени. В русском языке, как известно, совершенный вид не имеет формы настоящего. Это глубокий философский парадокс: мгновение настолько быстротечно, что «совершить» в нем что-то окончательно невозможно. Как только действие завершено, оно мгновенно становится прошлым. Настоящее — это привилегия процесса, домен несовершенного вида. Здесь время предстает как непрерывный поток, в который, по Гераклиту, нельзя войти дважды, и именно НСВ позволяет нам удерживать это мимолетное пребывание в «здесь и сейчас».

¹ Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. — М.: Наука, 2002. — С. 45–62.

Интересен также аспект «будущего». В формах СВ («сделаю») будущее предстает как обещание, как уже гарантированный результат, который мы мысленно держим в руках. В формах НСВ («буду делать») будущее — это туманная перспектива, само намерение, лишённое четких очертаний финала. Вид диктует степень нашей уверенности в завтрашнем дне. Категория вида является наиболее «интимной» характеристикой глагола. Время объективно и безлично, в то время как вид субъективен и антропоцентричен. Вид отражает то, как говорящий хочет представить событие — как триумфальный итог или как тягучее созерцание. Маслов аргументировано доказывал, что в славянских языках вид «проглатывает» чистую темпоральность, подчиняя ее своим внутренним ритмам. В контексте взаимодействия вида и времени нельзя игнорировать и понятие «акциональности». Разные семантические типы глаголов (предельные и непредельные) ведут себя по-разному при смене временных планов. Глаголы состояния («любить», «знать») по своей природе сопротивляются перфективации, так как чувства не имеют естественного предела в сознании. В то время как глаголы конкретного действия («разбить», «купить») буквально требуют совершенного вида, чтобы обрести смысл во времени. Это борьба между лексическим наполнением и грамматической формой создает ту уникальную гибкость языка, которую мы используем ежедневно, не задумываясь. Система глагола — это живой организм, где время обеспечивает скелет, а вид — плоть и кровь повествования. Их взаимодействие определяет не только структуру предложения, но и способ нашего мышления о мире как о последовательности завершённых актов или как о бесконечном становлении.

При более детальном анализе обнаруживается их удивительная способность к «мимикрии» — использованию форм одного времени в значении другого. Эта гибкость, называемая в лингвистике транспозицией, открывает доступ к глубоким подтекстам речи. Взаимодействие категорий здесь выходит за рамки сухой грамматики и переходит в плоскость психолингвистики. Особое место в этой системе занимает так называемое «настоящее историческое» (*praesens historicum*). Когда мы, повествуя о событиях вековой давности, внезапно переходим на несовершенный вид настоящего времени («И вот выходит он на площадь...»), происходит магическое сокращение дистанции. Время как бы аннулируется, зритель оказывается внутри события. Это использование имперфектива стирает границу между «тогда» и «сейчас», создавая эффект сопричастности. Здесь время выступает не как физическая величина, а как эмоциональный инструмент. Не менее парадоксально ведет себя совершенный вид в контексте настоящего. Как уже отмечалось, формы СВ («придет», «скажет») обычно указывают на будущее. Однако в русском языке

существует форма «настоящего наглядного примерного», когда СВ описывает повторяющиеся, типичные действия. Например: «Он такой человек: всегда поможет, выслушает». Здесь будущее время грамматически «захватывает» территорию настоящего, чтобы подчеркнуть неизменность характера субъекта. Время в данном случае заикливаясь, превращая разовый акт в вечную характеристику. Критически осмысляя идеи Е.В. Падучевой, можно прийти к выводу, что глагольный вид является своего рода «точкой обзора» (point of view). Падучева в своих трудах, которые можно интерпретировать как исследование геометрии смысла, указывала на то, что выбор вида зависит от локализации наблюдателя. Если мы находимся внутри процесса — мы используем НСВ. Если мы смотрим на событие со стороны, как на свершившийся факт — СВ. Взаимодействие вида и времени — это не что иное, как динамическая смена фокуса нашего сознания².

Интересно рассмотреть художественный анализ концепции «актуально-длительного» значения. Представьте себе человека, идущего по канату. Пока он идет (НСВ), его время наполнено напряжением, риском и неопределенностью. Это время «внутри». Но стоит ему сделать последний шаг на платформу (СВ), как вся его прогулка по канату превращается в факт биографии. Время «растянутое» превращается в время «схлопнутое». Грамматика русского глагола позволяет нам мгновенно переключаться между этими состояниями, управляя вниманием собеседника. Еще один важный аспект — взаимодействие вида с отрицанием. Отрицание в прошедшем времени часто вскрывает разные типы неслучившегося. «Я не читал» (НСВ) — отсутствие процесса, возможно, даже отсутствие намерения. «Я не прочитал» (СВ) — неуспех, недостижение предела при наличии попытки. Здесь время выступает как свидетель поражения или осознанного выбора. Вид уточняет, на каком именно этапе (этапе процесса или этапе финала) произошло столкновение с «небытием» действия. В современной лингвистической критике, в частности в работах Г.А. Золотовой, подчеркивается коммуникативная направленность этих категорий. Золотова рассматривала глагол как организующий центр предложения. Перефразируя её теорию синтаксиса, можно сказать, что вид и время формируют «темпоральную перспективу» текста. Именно они определяют, будет ли текст динамичным (нанизывание форм СВ) или описательно-статистическим (доминирование НСВ)³.

Взаимодействие этих категорий создает ритмический рисунок прозы. Нельзя обойти вниманием и так называемый «перфективный презент» в

² Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. — М.: Языки русской культуры, 1996. — С. 104.

³ Золотова Г. А. и др. Коммуникативная грамматика русского языка. — М., 1998. — С. 345.

значении внезапности. Выражения типа «А он возьми и скажи!» демонстрируют, как форма будущего времени СВ в сочетании с императивными конструкциями используется для описания прошлого. Это высшая точка взаимодействия: здесь время (прошлое), вид (совершенный) и наклонение (повелительное) сливаются в единый экспрессивный взрыв. Язык жертвует логической последовательностью ради передачи силы импульса. Глагольная система — это не застывшая схема, а постоянно вибрирующая сеть смыслов. Взаимодействие вида и времени обеспечивает языку возможность быть предельно точным и одновременно бесконечно поэтичным. Мы не просто называем действия — мы лепим форму времени, придаем ему границы, объем и направленность. Изучение этого процесса позволяет понять, как человеческое сознание структурирует хаос бытия, превращая его в упорядоченную историю. Категория вида не просто дополняет категорию времени, она является ее интерпретатором. Без вида время было бы плоским и одномерным; благодаря виду оно обретает глубину, позволяя нам переживать моменты как вечность и видеть в мгновениях завершённые судьбы.

Список использованной литературы:

1. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. — М.: Наука, 2002.
2. Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.
3. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. — М.: Языки русской культуры, 1996.
4. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. — М.: Изд-во МГУ, 1998.
5. Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. — М.: Языки русской культуры, 2000.
6. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.